

Музыкальная шкатулка

Поезд Москва – Владивосток медленно набирал скорость. Мелькнул, исчезая вдали, Ярославский вокзал. В СВ-вагоне колеса стучали как-то мягче и тише, чем в обычном. Я присел на удобный диванчик. Столица измотала, и вагонный покой казался наградой. Я был один в двухместном купе, что меня несколько расстроило. Дорога дальняя. Ладно, займусь давно откладываемым чтением. Только я это подумал, дверь в купе отворилась и в проеме возник очень хорошо одетый мужчина моих лет с дорогим, модным кейсом в руках.

«Юрий», - сказал он, протягивая руку.

Я назвал себя в ответ. Попутчик, закрыв дверь, быстро переоделся в уютный спортивный костюм. И, лениво созерцая мелькающие за окном станции, мы начали перебрасываться фразами и мыслями. Разговор шел медленно, размеренно, как выливаемый из кастрюли густой кисель. Так бывает всегда в дальних поездах, когда время замедляет свой бег и реальность уходит на дальний план. Мерно стучат колеса, успокаивая бег мысли и суету, в которой мы несемся, сломя голову, неизвестно откуда и неизвестно куда.

Общих тем нашлось для разговора множество. Будучи писателем, я не оставил предпринимательское поприще, а Юрий не мог быть никем иным, кроме как бизнесменом. Ибо сам вагон предполагал таких пассажиров. Но было видно, что мы предприниматели одного «подвида», я называю эту категорию делового сословия «думающими». Разговор крутился вокруг недалёковидной политики государства и трудностях избранного нами, делового, пути в России. Под этот извечный вагонный разговор незаметно наступил вечер.

Сосед спросил меня и о писательском ремесле. Я рассказал о своём небольшом опыте, он очень внимательно слушал, а потом попросил что-нибудь почитать. Я дал ему пачку листов с рассказами, которые пишу для будущей своей книги, и стал укладываться спать. Время подошло уже к полуночи. Попутчик же включил свет над своей полкою-диваном и погрузился в чтение моих рассказов.

Утро порадовало солнечной осенней погодой с легкими облаками–перьями, небрежно раскиданными чьей-то рукою по всему небу. Тронутая увяданьем листва мелькавших за окном деревьев радовала глаз многообразием красок. В душу проникало чувство радостного томления, которое бывает только осенью. Столичная суетливость исчезла и хотелось медленно плыть вместе с облаками. Я поделился своими мыслями с соседом, и он согласился с таким простым и приятным ощущением.

Потом мы вкусно позавтракали и вновь стали лениво беседовать. Вдруг его голос стал серьёзен, попутчик устремил в меня уже твердый взгляд карих глаз. И заговорил, не останавливаясь:

- Знаешь, прочитал вчера твои рассказы, тронуло меня. В них жизнь, а не театр.

Я начал благодарить, но Юрий махнул рукой:

- Не перебивай, слушай, я расскажу тебе свою историю. Настоящую. Это произошло со мной не так уж давно. Событие изменило всю мою жизнь. Точнее, изменило восприятие всего окружающего. А жизнь осталась примерно той же. Мы жалуемся обычно на что-то: на событие, на поступок, на ситуацию. Но эти вещи нейтральны, поверь. Всё происходит у нас внутри, а любое событие не имеет обычно ни характера, ни вкуса. Но это я понял недавно.

Итак, вначале жизнь моя складывалась обыденно. Свой трудовой стаж после вуза я начал с простого сотрудника – тихо, спокойно, незамысловато. Мне ставили задачи, я их решал, набирался опыта как специалист. И вдруг, через четыре месяца, меня повышают, назначая начальником группы. Таким образом, в подчинении у меня оказалось четыре человека разного возраста. Для молодого специалиста это карьерный скачок о-го-го какой. Я взлетел выше своих сверстников! Но не зазнался, засучил рукава и начал работать.

Руководство группой оказалось сложной задачей. Каждый день начинался, как подготовка к бою. Я защищался от нападения более опытных подчинённых, через силу доносил приказы, задачи, мы вежливо и с завидным постоянством конфликтовали, но результат выдавали.

В таком режиме я руководил группой полгода. Результаты меня уже не очень интересовали, внутреннее напряжение нарастало с такой силой и скоростью, что с трудом заставлял себя по утрам идти на работу. Подчинённые всё чаще показывали зубы, я чувствовал себя беспомощным волчком в стае матёрых. Сил на защиту оставалось всё меньше. И я ничего лучшего не придумал, чтобы восстановить силы, заболел.

За эти полгода управления группой незаметно растаяли отношения с девушкой, да и с друзьями встречался нечасто, спорт забросил. Время на всё это было, а вот сил не хватало. Вечерами отлёживался, как раненный зверь, перед телевизором. Заметил это только во время болезни. Провалился дома пару недель, и с настроением чернее тучи отправился в офис.

На пороге меня встретила радостная весть в образе Надюши-секретарши – меня снова повысили. Она вся светилась, сообщая мне новость, а я, как Штирлиц, подумал, «это конец». Но оказалось – это начало новой истории. Мне дали в управление отдел

побольше, известный в компании как очень миролюбивый и эффективный. Это было сообщество трудоголиков во главе с моим будущим заместителем. Два года успешного руководства этим отделом заставили забыть предыдущий опыт, как страшный сон. Я расценивал первую свою неудачу в управлении как случайность. Теперь уже считал себя успешным руководителем, не придавая должного значения тому, что в основном отделом управляет мой зам. Жил в этой иллюзии много лет. На волне успеха понял, что уже вырос из компании, и создал свой бизнес.

Делом занялся с друзьями. Жизнь забила ключом, аж дух захватывало. Я вернулся к спорту, прыжкам с парашютом. Мы так здорово стартовали в бизнесе, что все достаточно быстро освоились как предприниматели, и мирно отделились друг от друга. Этот процесс разделения был лёгким и безболезненным. Каждого ждал свой успех.

В общем, мой успех меня не покинул, но после первой эйфории мои силы опять оказались на исходе. Я поднимаюсь в небо на самолёте, но прыжок не совершаю – испытываю вселенскую усталость старика, а мне всего сорок лет. Мирный процесс заработка денег постепенно превращался в «вечный бой» с сотрудниками.

Знаешь, такое чувство, будто меня убивали каждый день по несколько раз разные люди из моей же компании. Тарас Бульба наоборот: «Меня убивает то, что я породил». Люди достали.

Перед сном, в мрачном настроении, я пытался представить, как они отдыхают после рабочего дня. И мне пришёл в голову ужасный образ, что каждый из них по вечерам точит свой невидимый клинок, которым воспользуется утром в офисе. Прекрасные люди, великолепные специалисты, с завидной лёгкостью порождают конфликты, плетут клубок интриг между собой. Из кабинетов, порой, можно услышать оскорбления, после которых мне кто-нибудь бежит со слезами, кричит, требует. Ненавижу домогательства с просьбами о продвижении в должности, повышении зарплат. Всё происходит на повышенных тонах, со слезами и угрозами уйти.

Когда всё это превратилось в базар и бардак? Каким образом хорошее начинание измотало мне нервы? Военные действия внутри компании приняли катастрофический масштаб. Каждый пытался «порулить» и рассказать мне, как нужно управлять. С завидной регулярностью мне объясняли, кто у нас сволочь, и что я ещё большая сволочь потому, что держу таких сволочей, да ещё плачу им бешеную зарплату.

В один прекрасный день секретарь с нескрываемой усмешкой сообщила мне, что уже уборщица рвётся ко мне на приём выяснять со мной отношения, хочет рассказать, как всё нужно поправить. И я понял, что больше не могу! Сил нет. Я превращаюсь во Фреди

Крюгера, мечтающего со всеми расквитаться. Сделать что-нибудь, чтобы не подходили близко.

Дошел до точки? Нет! Я её перешёл. Я был как бультерьер, у которого наливаются глаза кровью при виде людей. Ненависть уже плескалась в моих глазах. И ржавым гвоздём в башке сидит первый опыт управления. Понимаю, что всё началось ещё тогда. Но последующий успех вскружил мне голову, и теперь моя компания в сто пятьдесят человек выкручивает мне руки и ломает кости.

В этот костёр масло подлила моя любимая. Бывшая. Она мне измотала все нервы. А была таким лёгким мотыльком вначале. Любой наш нормальный разговор превращался в пытку для меня. Она всегда рисовалась золотцем, а я был князем, которого зря отмыли от грязи и пустили в высший свет. Я не оправдал надежд, во всём виноват. Каких надежд? В чём виноват? Не понимаю. Одни обвинения, ничего конкретного.

Представляешь, на работе напряг, сплошные гладиаторские бои. Приходишь домой, а там следующий этап. Никаких передышек, бейся. В общем, война везде. Я прикладывал огромные усилия, чтобы всем жилось мирно. Но ничего не получилось. Все, как белены объелись, нагленют, качают права, требуют.

С любимой мы уже не любимые. Не заметил, как жизнь стала состоять только из её проблем, а мои исчезли, испарились. Из мотылька она превратилась в прокатный станок. Я стал ходячей виной, приносящей деньги на её нужды. Объяснял, просил, терпел. Всё бесполезно. Не выдержал, собрал вещи, ушёл. Сбежал с поля боя любви. А бизнес так не бросишь. Романтика любви и бизнеса разбились, как только кончилось моё терпение. Вот такой жертвой собственного бизнеса и любви я был.

Если бы кто сказал, что так будет со мной? Никогда в жизни я бы не поверил! Я же крепкий, боевой парень, уважающий себя. Меня «на слабо» не возьмёшь. Только вот прыжки с парашютом мелочь по сравнению с человеческими отношениями.

В таком состоянии два с половиной года назад я и вылетел в Москву, решать очередные вопросы своей компании. Поселился без претензий в Измайлово, всё равно ничего не радует, хоть Метрополь, хоть Измайлово: всё едино. Куда-то ездил, что-то решал, а внутри было чувство, что дальше так жить нельзя и что-то должно произойти. И произошло. Но очень уж неожиданно.

Кто-то из удесятерившихся в числе знакомых позвонил и попросил съездить в больницу к монаху Даниилу, чтоб тот помолился за кого-то. Отказать сложно, так как звонивший был как бы нужным человеком. Я сказал, что постараюсь. В общем, решил вежливо избавиться

от просьбы. Звонивший сказал, что сбросит мне телефон этого Даниила, смс-кою. Кто звонил, теперь уже не могу вспомнить.

А потом позвонили из компании и опять началось. После двух часов разговоров не хотелось ничего. Даже жить не хотелось. Совсем. Страшные мысли лезли в голову. И тут я вспомнил про этого монаха Даниила. Нашёл сообщение, позвонил. Он сказал, что служит в Храме при больнице святителя Алексия на Ленинском проспекте. Объяснил, как туда пройти. Как меня туда ноги донесли, не знаю. Шёл с надеждою, всё-таки лекари душ человеческих. Наслышан был, хотя лично не общался со священниками никогда.

Даниил оказался моим ровесником, высоким красивым монахом с пронзительно-синими глазами. Вечерняя служба закончилась, и он провёл меня в какое-то небольшое храмовое помещение. Я передал невесть от кого просьбу к нему. И тут меня прорвало. Я рассказал ему все, что тебе сейчас, на одном дыхании. Время куда-то исчезло. Мы сидели с ним без света, давно уже было темно. Я видел только его профиль, мерцающий от отблесков уличной рекламы. Высказав всё, я ждал, как пустыня после долгих лет засухи ждёт дождя, каких-то слов утешения, которые дадут мне покой. Как в фильмах видел. Но монах молчал. Долго молчал.

А потом сказал, что проводит меня. И напоследок, у дверей, добавил, что всё решится в ближайшие дни. Еще произнес: «До встречи...и Ангела-Хранителя тебе». Тут у меня вообще все гайки с резьбы слетели. До какой ещё встречи? Тоже мне, душевный лекарь нашёлся.

Зашёл я с досады в первый попавшийся ресторанчик, заказал стакан водки, и залпом её выпил. Не берет меня. Сижу. Повторил. Сколько пил - не помню. И как отрубился - тоже не помню.

Очнулся я медленно. Осматриваюсь. И не могу ничего понять. Ты же знаешь, что такое русское похмелье. Стены поют. Оглядываюсь. Странная, словно кожаная, комната. Даже пол мягкий. Ни дверей, ни окон. На мне одежда тоже мягкая и пушистая. А похмелье ужасное.

Тяжело встал, подошёл к стене, поднялась заслонка. Там вода в пластмассовом стаканчике. Взял, выпил. Поставил обратно. Закрылась. Протянул руку - опять открылась и воды полный стакан. Мистика какая-то. Или шпионский фильм дешёвый. Видел по телевизору такие звуконепроницаемые камеры мягкие. В них звук по кругу ходит, и от этого звука сходят с ума. Называется: «музыкальная шкатулка». Но одно дело фильм, а другое – жизнь. Не буду рассказывать о похмелье, сколько болел - не знаю. Нет ни дня, ни ночи. Осмотрелся в своем новом обиталище. Всё так продумано, что даже если захочешь руки на себя наложить, не получится при всей изобретательности.

Когда прошло похмелье, начал мучить вопрос, куда угодил я. Но никаких контактов с внешним миром не представилось. Я орал, песни пел, чего только не делал. Кормили также из-за заслонки. И унитаза там очень продуманный. Я и самоубийство имитировать пытался. Думал, прибегут. Как бы одеждой казенной удавиться пытаюсь. Навидались, видимо, они всяких. Всё продумано.

Примерно дня три суета в душе была. Но время исчезло. А потом разом пришло смирение и апатия. Начал прокручивать, как киноплёнку, свою жизнь. Делать-то нечего, только думать. Теперь я понимаю, почему подвижники уходят от людей. Не побоюсь громких слов, разговор с Богом происходит напрямую. Не сразу. У меня тоже открылся канал с Высшим. Такое понимание пришло. Всего. Себя, людей, ошибок. И согласие. Я не знал: где я, что со мной будет, сколько времени я здесь. Но смирение, именно, смирение, что всё в руках высших, то есть Божьих. Такие сильные чувства я переживал. Такую гармонию. Ты не представляешь, какое чувство душевного полёта можно пережить в «одиночке». В этой "музыкальной шкатулке".

Я увидел всё искривление своего восприятия жизни. Всё, что мы создаем, - это всё плод нашего восприятия, и мысли нашей. Поверь мне, можно понять, что такое Счастье, находясь в одиночке. А можно быть несчастным во дворце. Такое вот ощущение полноты жизни ко мне пришло, что с ума сойти можно. Наверное, и сходят в таких местах. Если к Богу мысль не устремить. Такие истины познать можно, ни в каких мудрых книгах не прочтешь. В нас самих всё сокрыто. Там много всего. А мы ищем ответы вовне. Всё внутри и свыше. Остальное - мишура наносная.

Не знаю, сколько я провел времени в общении с самим собой и Богом, но было какое-то понимание, что Та жизнь закончилась. А что впереди – неизвестно. Ах, да, там душ над унитазом так хитро вмонтирован. Продуманно. Но это к слову. Так вот, впереди полная неизвестность в абсолюте. Вначале были какие-то надеждинки, что откроется дверь и всё станет ясно. Понимаешь лишь, что попал куда-то по серьёзному. Но не открылась дверь. И надежда растаяла, как снег. Только к Господу устремиться можно.

Закончилось всё так же неожиданно, как и началось. Я уснул, а проснулся от холода на лавке в парке недалеко от Октябрьской. Напротив меня сидел Даниил. Ох, много у меня к нему вопросов было. Не буду рассказывать, это очень сокровенное. И его, и моё. Он знал, что со мной произойдет. Есть дар у него предвидеть события. Осечка у спецслужб со мною вышла. С кем-то перепутали. Сто девять дней я там был. Но эти службы объяснять ничего не привыкли. Я им очень благодарен за эту ошибку. Меня бы не было уже, если бы не они, это факт.

Потом я неделю еще жил в больнице у Даниила при Храме, он меня там окрестил. И многое помог понять уже в практической жизненной плоскости. Теперь он – мой духовный отец.

Когда вернулся домой, то как-то играючи просто навел порядок в фирме. Бизнес – это всего лишь бизнес, а не смысл жизни. Смысл в другом: осознать, что ты Человек и идешь к Тому, кто тебя сотворил. И пить эту жизнь по глоточку, смакуя и радуясь каждому дню. А если дан свыше талант делать дело, то для чего-то, а не просто так, чтоб хорошо и сытно жить. Не понимаем мы в суете таких простых вещей.

Мне сейчас многого не нужно. Минимум комфорта я себе позволяю. Бизнес даёт возможность. Отыскиваю сирот талантливых, устраиваю их жизнь. Много ещё чего человеческого с Даниилом делаем. Но об этом, если хочешь, отдельный разговор.

Ты, если хочешь, напиши мою историю. Может, кому поможет зажечь Свет внутри себя, а не искать его вовне и в умных книгах. Потому что не найдут. В нас самих всего сполна. И ад, и рай у нас в самих себе.

А поезд шёл, постукивая колесами...